

ЛЮБАВА
ВОКС

ПРИНЦ
НА ПЕРЕДЕРЖКУ

Любава Вокс

Принц на передержку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36309189

SelfPub; 2023

Аннотация

Куча проблем свалилась на мою голову! Сначала меня бросил фиктивный жених. Потом мой начальник, ректор Царской Академии, решил предложить мне «неформальные» отношения, альтернатива которым увольнение с любимой работы. После этого старый друг попросил приглядеть за бесценным музейным экспонатом, и пошло поехало! Интриги, тайны и древняя магия в придачу! Мало мне, что ли, было до этого? Ну ничего, справлюсь я с трудностями и с недоброжелателями разберусь, а мой новый несносный «сожитель» мне в этом поможет!

Содержание

Глава 1. Приговор	4
Глава 2. Скорбный дом	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Любава Вокс

Принц на передержку

Глава 1. Приговор

Я стояла перед ректором Царской Академии Новобурга, господином Плотским, потупив глаза в пол, и злилась.

Злилась на самого ректора, за то, что вызвал на ковер перед всем составом и стыл стыдить меня, преподавательницу высшего класса, как какую-нибудь нерадивую студентку.

Злилась на себя за то, что не могу собраться и стою перед «судьями», проглотив язык и хлопая глазами, как глупая кукла.

Злилась на традиции моей родной Рамирии – прогрессивной вроде бы страны – за то, что самостоятельную и образованную женщину здесь обязывают иметь покровителя-мужчину. Даже если она этого не хочет.

Я рискнула поднять глаза на учителей. Ректор заметил это и высокомерно кивнул своей заместительнице Настасье Павловне.

Настасья Павловна Злых, тощая, вечно всем недовольная старуха, люто ненавидящая меня и всегда половичком расстилающаяся перед ректором, поджала напомаженные губы и начала:

– Госпожа Шоколадка, Дана Александровна, две недели назад вы остались без покровительства и посмели скрывать свое постыдное положение от нашего уважаемого коллектива. Что скажете в свое оправдание?

– Ничего, – буркнула я, – не считаю должным оправдываться за то, в чем я не виновата.

– Молчать, – госпожа Злых стукнула по столу костлявой ладонью. – Постыдитесь, госпожа Шоколадка, вам уже тридцать, а вы все фиктивных покровителей себе придумываете. Вы знаете, что это мошенничество? Да за подлог жениха вас на каторгу могут сослать. В вашем возрасте стыдно быть не замужем. В общем, так! За ваше непристойное поведение...

– На каторгу? – удивленно перебила ее я. – Мы вроде бы не в прошлом веке живем?

Лицо госпожи Злых побагровело от ярости.

– Госпожа Шоколадка! Не смейте дерзить начальству!

– Тише, Настасья Павловна, тише. У вас сердце, – ректор мягко опустил руку заместительнице на плечо. – Я сам. Госпожа Шоколадка, вы же понимаете прекрасно, что мы должны как-то отреагировать на ваш поступок.

– А замять все без шума никак нельзя? – без особой надежды поинтересовалась я.

– Уже никак, – огорчил меня начальник. – Желтая пресса с упорством ищейки выискивает темы для скандалов, а тут нашелся столь сочный корм – аморальное поведение преподавательницы Академии. Ваша двухнедельная свобода

здорово всколыхнула общественность. Почтенные главы семейств нашей столицы обеспокоились, что их юные дочери тоже захотят жить без покровителей и начнут пренебрегать традициями, используя обман. Так же, как поступили вы.

– Думаю, что отцам почтенных семейств не следует злоупотреблять чтением желтой прессы...

– Ах, оставьте этот тон, – ректор сурово погрозил мне пальцем. – Лучше подумайте о том, чтобы срочно отыскать себе покровителя. У вас две недели. Если за это время вы не исправите свое прискорбное положение, мы будем вынуждены уволить вас. Понятно?

– Понятно.

Я тяжело вздохнула. Вот так. С системой не поспоришь.

Или покровитель или увольнение...

Зато целых две недели я прожила свободным человеком, и, наверное, оно того стоило.

В Рамирии без мужа или официального жениха – ты никто. С мужем тебя связывает брачный контракт и тогда у тебя все хорошо – ты полноправный член общества, можешь радоваться этому, спокойно работать, путешествовать (с позволения мужа, конечно) и все такое. Если у тебя есть договор помолвки, то это тоже отлично. А вот когда у тебя нет ни первого ни второго... тогда и начинаются проблемы! Ведь без мужского покровительства ты – изгой. Тебе не позволят работать, с тобой не будут общаться, даже товары в лавке могут не продать...

И тогда единственный выход – найти себе покровителя без обязательств, иными словами – любовника. К слову сказать, холостым опекунам без обязательств жилось в Рамирии весьма фривольно. В отличие от мужчин, вступивших в официальный брак, им позволялось заключать несколько договоров и «опекать» сразу многих женщин.

До случившегося момента у меня не было проблем. До восемнадцати я, как любая юная девушка, находилась под опекой отца. Потом, на время учебы в Царской Академии, мне разрешили побыть под покровительством старшего брата. Братская и прочая родственная опека допускалась до двадцати пяти лет. Потом мне повезло договориться с другом детства Кириллом Барским, чтобы изобразил шефство надо мной. Он помог – мы заключили фиктивный договор помолвки и встречались для проформа раз в неделю, само собой, без всякого интима. В основном это происходило в выставочной галерее, владельцем которой мой друг являлся.

Сначала все шло хорошо. Кирилл был человеком, женатым на работе, и не собирался заводить семью. Меня это вполне устраивало. Благодаря договору, я отучилась в аспирантуре, защитила кандидатскую и устроилась на работу в ставшую родной Академию. До тридцати лет без проблем вела теорию обществознания у студентов гуманитарного факультета...

... а потом случилось непоправимое!

Обанкротилась галерея Кирилла. Ему предложили купить

за баснословные деньги могущественный артефакт, но подсунули подделку. Барский назанимал денег, заложил половину своей собственной коллекции и прогорел. Этот случай стал для него ударом. Чтобы не попасть в долговую тюрьму, друг начал продавать самое ценное – сокровища древней Игиптерии из гробницы фараона Тесментона. Когда стало понятно, что этого не хватит – пришлось закрыть галерею и сдать ее помещение в аренду одному богатому купцу Вронскому.

Все равно, не хватило!

«Спасение» пришло неожиданно в лице дочери того самого купца, Элочки Вронской, на которой Кириллу придется вскоре жениться. Папаша Вронский пообещал покрыть после свадьбы все Кирилловы долги, с условием, что тот откажется от «бессмысленной и бесполезной» деятельности галериста и займется «нормальным мужским делом – торговлей».

Кирилл – человек мягкий – поплакал и согласился. А что еще ему оставалось делать? Он сообщил мне «радостную» новость и объявил, что вынужден расторгнуть наш договор.

Я поняла и приняла его решение. Дело-то серьезное! Он и так много лет помогал мне, а тут – такое дело... Элочка спасет Кирилла от тюрьмы – и слава богу. Мне ведь этого точно сделать не удастся.

Значит, буду искать кого-то еще...

– Ну, раз всем все понятно, значит, можно расходить-

ся, – громко объявил ректор, и уставшая комиссия испустила вздох облегчения.

Кроме госпожи Злых, никто из присутствующих не упивался происходящим. Очередной выговор очередной провинившейся сотруднице – такое иногда бывает. Все, кроме госпожи Злых, скучали, выслушивая унылую нотацию Ивана Григорьевича и втайне мечтали поскорее уйти домой.

Я тоже направилась к выходу, но ректор перегнулся через стол и придержал меня за руку.

– Погодите, госпожа Шоколадка, я хотел бы сказать вам еще пару слов. Лично и, так сказать, с глаз на глаз.

Я вздохнула и осталась. А что делать? Согласно правилам субординации, будь она неладна, я должна.

Ректор дождался, пока все уйдут. Госпожа Злых покинула помещение последней, как капитан тонущий корабль, и, наградив меня на прощание полным ненависти взглядом, громко закрыла дверь. Не хлопнула, конечно – кто бы ей это позволил? – но всем своим видом явила презрение.

Лично ко мне.

Как только дверь закрылась, Иван Григорьевич кивнул мне и ласково постучал по соседнему креслу, что стояло рядом с его, ректорским. Пару минут назад в этом кресле восседала Настасья Павловна.

– Дана Александровна, вы садитесь, не бойтесь. Поближе ко мне, прямо вот сюда. Можно.

Это высокомерное «можно», сказанное тоном, каким

обычно говорят с любимой собакой, несказанно возмутило меня, но я, решив, что терпеть происходящее мне осталось недолго, послушалась.

Села.

Меня мгновенно окутал аромат чужих едких духов, и зад ощутил тепло кожи, нагретой чужой пятой точкой. Стало еще противнее, но надо держаться. Все уже разошлись. Сейчас начальник, как и положено начальнику, поставит точку в воспитательной беседе, и я пойду домой.

Только, вот, лицо его выглядит как-то... Подозрительно.

Спустя миг мои тревоги оправдались.

– Дана Александровна, Даночка, – ласково начал Иван Григорьевич. – Я понимаю, в какое постыдное и неприятное положение вы попали...

– Постыдное? – гнев кипел у меня в душе. – Вы считаете, что я должна стыдиться?

– Даночка, – Василий Григорьевич, кажется, пропустил мой саркастический вопрос мимо ушей. – Я вижу, что вы сейчас, как птичка, попавшая в западню, бьетесь, но силки только туже затягиваются. И я готов помочь вам.

Ректор потянулся ко мне и поймал за запястье. Пальцы его оказались холодными, влажными и цепкими, как у обезьяны.

Не вырваться из таких пальцев...

– Мне не нужно помогать, – попыталась настоять я, вытягивая руку из ректорского захвата, но мне не дали сделать ни первое, ни второе.

Меня опять даже не слушали.

– Да вы погодите, Даночка, не отказывайтесь сразу. Вы ведь понимаете, в общежитии академического персонала, согласно своду правил, мы вас оставить не можем. Вас ждет скорбный дом на окраине Новобурга. Это не самое лучшее место.

Скорбный дом.

Девочек Рамирии с детства им пугали: «Если будешь плохо себя вести, не выйдешь замуж! Не выйдешь замуж – в скорбном доме окажешься! А тогда...» Про «тогда» я, кстати, обычно, не дослушивала. А, может, и не было этого пресловутого «тогда»...

Если серьезно – скорбный дом исполнял роль места временного поселения для женщин, что по той или иной причине лишились контракта. Там они проживали в течение года и, если не находили себе новых покровителей, каждый месяц платили штраф и в итоге оказывались высланными из столицы в провинцию. Там их ждали новые поиски покровителей и скорбные дома в случае неудачи.

Все бы ничего, да вот только проживание в скорбном доме сильно вредило репутации. Работодатели спешили избавиться от оставшихся без опеки сотрудниц. И вот, теперь увольнение нависло надо мной...

– Согласна, не лучшее, но, поверьте, Иван Григорьевич, долго я там не задержусь, – ответила я, натянув на лицо маску небывалой уверенности.

Эх, жаль, то была только маска. Если честно, я вообще не представляла, где и как найду покровителя. Тем более в такой крошечный срок.

Но намеки ректора настораживали гораздо сильнее, чем проблема с поиском опекуна.

– Даночка, голубушка моя, – голос Ивана Григорьевича стал приторно-сладким, шелковым, медовым. – Я очень переживаю за вас и, как истинный джентльмен, готов решить вашу проблему прямо сейчас.

– Вы предлагаете мне выйти за вас замуж? – удивилась я.

Мой вопрос был полон сарказма. Я прекрасно знала, что ректор Царской Академии – заядлый холостяк. Он никогда не связывал и не свяжет себя узами брака. А зачем? По слухам, у него на контрактах есть хорошенькие аспирантки и даже несколько преподавательниц. Я пополнять эту коллекцию как-то не планировала...

– А вы шутница, Даночка, как я погляжу, – ректор распознал в моих словах насмешку, и лицо его на миг исказилось от злобы. – Чтобы называться моей невестой, а тем более женой, необходимо обладать выдающимися качествами, внешними и внутренними, – он взял себя в руки, не желая спугнуть добычу. – Даночка, вы, верно, решили, что я дразню вас в столь неприятной ситуации? Вовсе нет. Я на полном серьезе предлагаю вам мое покровительство. Уверен, лучшего варианта вам не найти.

– Но я...

Я запнулась. Мысли в голове перепутались, а щеки зарделись от стыда и раздражения. Ректор решил поиздеваться надо мной? Старый ловелас. А мне-то казалось, что он меня уважает, как специалиста...

– Вижу, вы сейчас не в том состоянии, чтобы давать быстрые ответы, – Иван Григорьевич ласково погладил мою руку, – займитесь пока переездом, а завтра я к вам загляну, и мы все обсудим. Хорошо? – закончил не терпящим отказов тоном и прожег опасным взглядом старого хищника.

– Х-хорошо, – сбивчиво пробормотала я, поспешно поднялась и, вежливо кивнув начальнику, поспешила прочь из его кабинета.

Глава 2. Скорбный дом

Пока я шла к своей комнатке по длинному коридору преподавательского корпуса общежития, встречные люди шахрались от меня, как от чумной, косились и перешептывались. Соседи, что прежде встречали меня доброжелательными улыбками, теперь дружно сделали вид, будто я – пустое место.

Дверь моей комнатки была распахнута настежь. Перед ней стояла большая потрепанная сумка, из которой, запиханные как попало, торчали мои вещи. На голых досках опустевшей кровати восседала наша комендантша – Марья Фроловна. Скрестив на груди полные руки, она опиралась на скрученный матрас и измеряла меня презрительным взглядом.

– У вас пять минут, госпожа Шоколадка, – бросила холодно, – ваши личные вещи я собрала, проверьте, может, что-то забыла.

– Марья Фроловна, личные вещи на то и личные, чтобы их посторонние люди без разрешения не трогали, – строго произнесла я, еле сдерживая гнев.

– Вообще-то, госпожа Шоколадка, ваш коллектив – это вовсе не посторонние люди. И вы опозорили своим поведением всех нас. Мне за вас очень, очень стыдно!

Комендантша сочла своим долгом как следует отчитать меня. Заставить ее молчать было невозможно, поэтому я

просто старалась не слушать. Вынув из-под кровати забытые тапочки и забрав в душевой банный халат, я чиркнула в настойчиво подsunутой мне книге приездов и отъездов корявую роспись.

И ушла.

Покинув общежитие, я пересекла территорию университетского городка и вышла на шумную улицу к остановке кэбов. Поймала первый попавшийся и, сунув извозчику несколько железных монет, попросила отвезти меня на окраину Новобурга.

За окном потянулись опрятные улицы, дорогие дома и парки. Величественно проплыло мимо здание железнодорожного вокзала. Вскоре респектабельные кварталы сменились бедными трущобами. Тут не было ярких красок, парков и цветочных клумб – только серые стены домов, пристроенных вплотную друг к другу. В конце улицы, на отшибе, возвышалось неказистое, обшарпанное здание – скорбный дом. Во внешнем облике его отчетливо читалось презрение к этому месту местных жителей и властей. Скорбный дом давно не знал ремонта, и стены его были покрыты неприличными надписями.

Я уныло вздохнула. Надеюсь, я тут надолго не задержусь.

И поднялась по обшарпанным ступеням на шаткое крыльцо, укрытое от дождя покосившимся козырьком.

Тук-тук – загрохотало тяжелое кольцо в разверстой пасти чугунного льва. И тут же за линялой, латаной дверью разда-

лись чьи-то легкие шаги.

Мне открыла приятная пожилая женщина с добрыми глазами и девичьей фигуркой.

– Дана Шоколадка? – уточнила она.

– Так точно, – кивнула я.

– Идите за мной.

Женщина, помогая тащить поклажу, провела меня через просторный чистый холл к механическому лифту. Мы поднялись на третий этаж и, миновав длинный светлый коридор, пришли в уютный блок с тремя отдельными комнатами, общей кухней и уборной.

Моя провожатая передала мне ключ со словами:

– Тут вы будете жить. Блок 34 комната 3. Душ на этаже, расписание приемов пищи вывешивается у лестницы. По всем вопросам можете обращаться ко мне. Ивлева Дарья Сергеевна, к вашим услугам.

Когда Дарья Сергеевна ушла, я принялась обустриваться.

Пока разбирала корзину, вытирала с глаз злые слезы досады. Надо же так попасть! Ведь все же хорошо было. Жили с Кириллом душа в душу – пальцем друг друга не трогали. Работали в свое удовольствие... Что ждет меня теперь? От ректора так просто отделаться не удастся – это я вам точно говорю! Он, как бульдог, если вцепился в добычу – ни за что не отпустит! А добыча – это я. Плотский только на вид весь такой понимающий, вежливый и деликатный. Не стоит

на его счет заблуждаться...

Я огляделась по сторонам.

А тут мило. Скорбный дом только снаружи выглядит страшно, внутри он, оказывается, вполне уютен. Везде чисто, светло, цветочки на окнах. Бедненько, конечно, но лучше, чем я ожидала. И этим местом в Рамирии девочек с малолетства запугивают? Да уж, велики глаза у страха.

У меня даже настроение немного поднялось, и я начала разбирать свою корзинку. Подумать только, я даже чемодан себе не купила – не думала, что когда-то придется переезжать в срочном порядке из учебного городка. И вот теперь вся моя жизнь в этой покосившейся корзинке – книги, платья, любимая шляпка, вся перекосившаяся от прикосновения варварских рук Марии Фроловны... А вот маленький альбом со снимками из фотоателье.

Я открыла последнюю страницу. Оттуда на меня глянула девушка, окутанная облаком кудрявых темных волос. На голове – модная шляпка, на губах – счастливая улыбка. Это фото я сделала после первого дня на новой работе.

Я резко захлопнула альбом и отложила его на полку стеллажа, стоящего у стены, возле кровати. Это была практически вся мебель в моем новом жилище. Кроме кровати и полок тут находились стальная вешалка, маленькая тумба, потертое креслице и кованый торшер. Это, конечно, не шикарные преподавательские апартаменты, но и не та дыра, в которой я боялась оказаться.

Я присела на край кровати, и меня охватила ностальгия. Вспомнились мой трехкомнатный номер с камином и большой ванной. И огромная библиотека этажом ниже... Вернусь ли я когда-нибудь туда?

В дверь постучали.

– Кто там?

– Я, Мила, твоя соседка. Можно войти? – отозвался робкий голосок.

– Заходи, конечно, – пригласила я.

В комнату скользнула высокая худенькая девушка с короткой стрижкой и озорным взглядом.

– Здравствуй! Как тебя зовут? – тут же поинтересовалась она.

– Дана.

– Очень приятно. Я живу во второй комнате – соседняя дверь. – Сейчас еще Кира придет из первой. А вот и она... – Мила чутко вскинулась, прислушиваясь к шагам в общем коридоре блока. – Кира, давай сюда! Тут новенькая!

В комнату вошла еще одна девушка – крепкая, рыжеволосая, какая-то хмурая. В руках ее был бумажный пакет с логотипом известной продуктовой лавки.

– Кира, – представилась серьезным тоном.

– Ой, девочки, – всплеснула руками Мила. – Ну, давайте что ли за знакомство чаю выпьем? Дана, ты как на это смотришь? Я принесу.

– Я только за, – поддержала идею я, чувствуя, как преда-

тельски бурчит живот.

Мила радостно хлопнула в ладоши и пулей умчалась к себе. Через пять минут она вернулась с большим подносом, на котором исходили паром три больших кружки с ароматным чаем.

Я выкатила на середину комнаты тумбочку.

– Ставь сюда.

Кира, вовремя заметив, что к чаю ничего не прилагается, со вздохом полезла в свой пакет и вынула оттуда связку маковых бубликов.

– Вот, угощайтесь, девушки.

Наконец мы расселись.

Пригубив из кружки живительного напитку и закусив его вкусной выпечкой, я заметила, что новые соседки молча смотрят на меня, ожидая чего-то...

– Я должна была произнести тост? – попробовала отшутиться, но Мила строго погрозила мне пальцем и потребовала:

– Ты должна была рассказать нам свою историю.

– Почему ты здесь? – поддержала ее Кира.

Догадавшись, что отмолчаться не получится, я рассказала девочкам все, как есть. Про фиктивный договор с Кириллом, про его банкротство и про позорный отъезд из академической общаги.

– Как тебе хватило смелости на то, чтобы заключить фиктивный договор? – с ужасом в голосе прошептала Мила.

Ее вопрос был не безосновательным. Фиктивные договоры в Рамирии заключались не часто, ведь государство с ними всячески боролось. За них штрафовали и даже сажали в тюрьму. Мошенники обманывали девушек, обещая им фиктивное покровительство за деньги, а потом сдавали несчастных жандармам. В общем, мне с Кириллом очень повезло! Мы оба рисковали, и лишь наши доверие и дружба помогли протянуть с фиктивным договором столь долгое время.

– У меня был надежный партнер, – призналась я. – А вы как сюда попали, девочки?

– Меня обманули, – Мила со вздохом потупила взор. – Один богатый господин попросил у моих родителей моей руки. Обещал жениться, увез меня в столицу, вместо жены сделал любовницей, а потом разорвал договор, потому что я ему просто надоела.

– А я жила с мужем-тираном, – поведала свою историю Кира, – когда поняла, что больше так жить не могу, стала всячески перечить ему, доводить, и он расторг договор.

– Ты сама спровоцировала расторжение договора? – удивленно всплеснула руками Мила, – я и не знала... И ты не побоялась оказаться в скорбном доме?

– Нет, – Кира сурово свела брови, – после семейной жизнь в скорбном доме показалась мне райской.

– А мне не показалась, – протянула Мила, – все любовницы господина Вронского жили в роскошных съемных квартирах... и я тоже.

– Вронского? – насторожилась я. – Ты купца Вронского сейчас имеешь в виду?

– Да, его. А что?

– Ничего, – сделала вид, что ничего не происходит, я, а сама задумалась, уж ни тот ли это Вронский, породниться с которым придется вскоре моему бедному Кириллу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.